

Безымянных высот не бывает

Лет пятнадцать назад я задался мыслью пройтись по высотам Великой Отечественной, чтобы составить себе представление, какой она примерно была, война в масштабе сражений, упоминавшихся в сообщениях Советского Информбюро как «бои местного значения». Не каждый день и даже не каждый месяц на театре военных действий разворачивались крупномасштабные сражения, но бои на отдельных участках фронта отмечались ежедневно. Так называемые бои местного значения.

Перечитываю сейчас свои путевые блокноты – будто иду от 1941-го к 1945-му и все время по высотам войны.

Вряд ли кому сегодня придет в голову милые нашему сердцу холмы и взгорки, с которыми нерасторжимо ощущение Родины, называть высотами. Высотами они становились на войне. Точно так же, как вчера еще мирные люди в суровый для отчизны час становились бойцами, чтобы до последнего вздоха защищать в бою или же брать в бесцельных атаках эти самые взгорки и холмы, обозначенные уже высотами, каждая со своей топографической отметкой на военно-полевых картах. Как, скажем, под отметкой 102,0 сталинградский Мамаев курган, ставший главной высотой России.

Как там, в Сталинграде? В 1942-м это для всех был вопрос вопросов.

Совсем не случайно ветераны, сражавшиеся тогда на других фронтах, на других высотах, считают, что все они сражались и за Сталинград. Ведь они оттягивали на себя, обескровливая в боях местного значения, может, как раз те пехотные и танковые дивизии, которые враг собирался перебросить к излучине Волги. Рукописный журнал «Комсомолец», выпущенный в 447-м артополку 50-й армии Западного фронта, открывался прямо вот такими словами: «Каждый немецкий солдат, убитый на Зайцевой Горе, не появится у стен Сталинграда».

Сколько же было таких высот! Сколько стрелковых рот и батальонов полегло на их крутых и пологих склонах, прежде чем они вновь стали нашими! Высоты Ярцевские под Смоленском. Угрюмовские перед Вязьмой. Пулковские и Синявинские под Ленинградом. И там же ключевая высота 173,3 (Воронья Гора), которую в сентябре 41-го в течение четырех суток, несмотря на многократное превосходство противника в живой силе, удерживала одна стрелковая рота. Подвигу тех, кто до последнего защищал эту высоту в 41-м и кто штурмовал ее в 44-м в ходе снятия блокады Ленинграда, поэт-фронтовик Михаил Дудин посвятит пронзительное стихотворение «Эта память опять от зари до зари...», более известное как песня «Снегири».

Белый полдень стоит над Вороньей Горой, Где оглохла зима от обстрела, Где на рваную землю, на снег голубой Снегирина стая слетела.

По следам бывлых атак вошли на высоты и встали навечно монументы и обелиски как боевые отметки на долгом пути к победе. Стоит сейчас под городом Яхрома на Перемиловской высоте бронзовый солдат. Как раз здесь, на берегу Канала имени Москвы, осенью 41-го был остановлен рвавшийся с севера к столице враг. С этого самого рубежа 10 декабря войска генерал-лейтенанта В. Кузнецова (1-я ударная армия) перешли в контрнаступление и освободили Яхром. Таким, каким он был в той атаке под Яхромой – с автоматом в руках, весь устремленный на запад, и застыл в бронзе боец на Перемиловской высоте.

В сводках Совинформбюро 1942 года бои за Варшавское шоссе на участке фронта Юкнов – Милитино в силу их местного значения не упоминались. Но даже в таком масштабе сражения в полосе 50-й армии отличались особым ожесточением, потому что каждый бой здесь все еще засчитывался как бой за Москву: ведь отсюда до нее, если мерить напрямую, чуть более двукот километров. Ключом к позициям немцев на шоссе, питавшем всем необходимым войска противника на недалежных подступах к столице, являлась высота 269,8 (Зайцева Гора).

...5 апреля 173-я стрелковая дивизия во взаимодействии со 108-й танковой бригадой овладела деревней Фомино-1 – сильным опорным пунктом противника, обремененным высоким снежным валом. Уничтожено 4 вражеских танка, 16 орудий, 11 минометов, 25 блиндажей, 29 дзотов, 330 солдат и офицеров противника.

12 апреля противник силою до полка при поддержке 12 танков и 25 самолетов после сильной артиллерийской и авиационной обработки контратаковал наши позиции в Фомино-1. 608-й стрелковый полк 146-й стрелковой дивизии, сменивший незадолго до этого 173-ю стрелковую дивизию, понес тяжелые потери и оставил Фомино-1.

13 апреля 146-я сд совместно со 108-й тбр вновь овладели деревней Фомино-1. В тот же день бойцы 173-й сд взяли деревню Зайцева Гора, откуда до одноименной высоты оставалось менее трех километров.

22 апреля 58-я сд, поддержанная 11-й тбр, стремительной атакой взяла высоту 269,8. Противник, подняв к месту прорыва 15 танков и до двух батальонов пехоты, после шестикратной бомбардировки с воздуха предпринял отчаянную контратаку. 58-я сд удерживала высоту до самой темноты. С утра 23 апреля противник возобновил контратаки. Понес большие потери, наши полки отошли к Фомино-1...

Та же самая хроника, только сжатая до эпизодов. 6 апреля в бою за Фомино-2 командир 878-го сп 290-й сд майор Штгивель поднимает последних оставшихся от его воинства четверых бойцов в атаку на вражеский дот и погибает.

12 апреля 608-й сп 146-й сд понес тяжелые потери и вынужден был отойти от деревни Фомино-1. Боец Муса Шарипов вел огонь до тех пор, пока не кончились патроны. Гитлеровцы решили взять его в плен живым. Как только они приблизились к окопу, Шарипов с гранатой шагнул навстречу и подорвал себя и немцев.

13 апреля во время атаки на деревню Зайцева Гора автоматчик 173-й сд Владимир Жук вылезался подавить немецкий пулемет, приостановивший своим огнем продвижение нашего батальона. Смельчак забросал амбразуру дота гранатами, но враг продолжал вести губительный огонь. Тогда боец, уже раненный, с зажтой в руке последней гранатой бросился на пулемет и уничтожил его.

Если вчитаться как следует в хронику боевых действий под Зайцевой Горой, то совсем нетрудно представить себе, какие ожесточенные тут шли бои, какая тут была мясорубка. После месяца кровопролитных боев, когда все попытки овладения высотой не принесли успеха, командарм-50 генерал-лейтенант И. Болдин принимает решение произвести подкорм и взорвать ее вместе с укреплениями, огневыми позициями и гарнизоном противника. Подкорм велся с крохотного пятачка на южном склоне высоты, отбитого в апрельских боях и удерживаемого одним батальоном 58-й сд, всего в каких-нибудь 70-80 метрах от первой траншеи немцев. Команда из 43 бывших шахтеров и горняков во главе с лейтенантом В. Новиковым за 39 дней и ночей прошла под землей более ста метров и заложила на пятнадцатиметровой глубине 4 камерных заряда, на что было затрачено 7 тонн взрывчатки и 2 тонны противотанковых мин. Рано утром 4 октября 1942 года находящиеся на высоте укрепления, дзоты, артбатареи, блиндажи противника взлетели на воздух. На месте взрыва образовалась воронка до 20 метров глубиной и около 90 метров в диаметре. Однако даже столь дерзкая операция не внесла ощутимого перелома в ход сражений на этом участке фронта. Более того, наши войска вскоре вынуждены были сдать высоту 269,8. Окончательно же она будет взята только в середине марта 1943 года бойцами 58-й стрелковой дивизии.

Склонив голову, стоит сейчас на «Варшавке» у деревни Зайцева Гора Калужской области бронзовый солдат в государственной пеленке о павших на подступах к высоте 269, 8 боевых друзей. Сколько же их, погибших негромко, среди бойцов и командиров 58, 146, 173, 290, 298, 413-й стрелковых дивизий, 108, 145-й танковых бригад, 447, 572, 593, 688 и 2-го гвардейского артополков, 5-го отдельного инженерного батальона, 21-го гвардейского отдельного ми-

нометного дивизиона, 541-го армейского минометного полка, что упомянуты на мемориальной плите у подножия монумента! Всего же через бои на этом участке фронта прошли одиннадцать стрелковых дивизий. Помимо уже названных здесь в разное время действовали 69, 116, 239, 336, 385-я стрелковые дивизии, а также 11, 112-я танковые бригады. До сих пор еще не установлено точное число наших потерь в боях за находившуюся между деревнями Фомино-1 (Зубровка) и Фомино-2 (Цветовка) высоту 269,8. Известно, и то приблизительно, что только в боях с 26 марта до 30 апреля 1942 года 50-я армия потеряла около 50 тысяч убитыми и пропавшими без вести. Потери всех дивизий за это время составляли от 50 до 70 процентов личного состава. За уточнениями подчас приходится обращаться даже к стихам военной поры. В стихотворении воевавшего здесь поэта Александра Лесина «Братское поле под Фомино» есть такая строфа:

Девять дивизий травой-повиликой
К свету, к людям пробивались
На этом жертвенно-великом
Братском поле под Фомино.

Вот сколь высокой – девять дивизий! – оказалась цена нашей победы на этом рубеже. По ожесточению своему сражения за Зайцеву Гору можно сравнить разве что со Сталинградом – неспроста же высоту 269,8 после войны стали величать подмосковным Мамаевым курганом.

Уже 65 лет минуло с того дня, когда стих последний бой под Зайцевой Горой, а время все еще ведет свое скорбный счет. Вот что пишет мне комиссар действующего в районе высоты 269,8 отряда «Поиск» электромеханик Вяземской дистанции сигнализации и связи Московской железной дороги Александр Ильющечкин из города Киров Калужской области. «Каждый год мы находим останки погибших под Зайцевой Горой наших воинов. Первое захоронение мы произвели 8 мая 1993 года в братской могиле по соседству с оставшейся после подрыва высоты огромной воронкой – тогда земле были преданы останки 193 бойцов, и только у пятерых были установлены фамилии. С тех пор нашим отрядом найдены и захоронены останки свыше тысячи безвестных солдат. Останки еще четырехсот обнаружены другими поисковыми отрядами. По смертным медальонам нам удалось установить фамилии около ста бойцов, которые считались без вести пропавшими...»

При огромных потерях в оборонительных боях 1942 года – а тогда Красная армия теряла убитыми 10 000 человек ежедневно – наши похоронные команды просто не успевали подобрать, опознать и предать земле всех погибших. Бывало, что не всех павших удавалось при отступлении вынести с поля боя, и они, неподобранные и непознанные, потом так и оставались там как пропавшие без вести. С тех самых пор останки сотен тысяч, миллионов павших и без вести пропавших все еще лежат в полях, лесах, болотах Отечества незахороненными. Война только тогда может считаться оконченной (эти слова приписывают нашему Суворову, но, кажется, они были известны до него), когда будет захоронен последний павший на ней солдат. Так что отрядам «Поиска» еще долго предстоит собирать по местам бывших сражений и хоронить кости наших соотечественников, а заодно возвращать из безвестности их имена.

Мамаев курган, Зайцева Гора – эти высоты у нас, как говорится, на слуху. А сколько высот безымянных, что по праву делят с ними славу легендарных!

Образ безымянной высоты пришел к нам из песни, которая впервые прозвучала лет сорок с лишним назад в кинофильме «Ти-

шина», поставленном по одноименному роману Юрия Бондарева. В ходе съемок фильма режиссер Владимир Басов попросил поэта Михаила Матусовского и композитора Вениамина Баснера написать для картины песню старого фронтовика. Тогда-то и вспомнился Матусовскому услышанный еще в годы войны рассказ о восемнадцати воинах-сибиряках, беззаветно сражавшихся за одну безымянную высоту в Калужской области. Так родилась эта самая песня-память «На безымянной высоте». Вы, конечно же, помните: «У незнакомого поселка, на безымянной высоте... Землянка наша в три наката, сосна, стореющая над ней...»

Когда смотришь на мемориальный комплекс у деревни Рубеженка Куйбышевского района, то трудно отделаться от мысли, что он создан из того же, что и песня, документального материала: высота, землянка, сосна. Другой безымянной мы уже не представляем – настолько слились в нашем сознании слова, музыка и зрительное восприятие песни.

Здесь в ночь с 13 на 14 сентября 1943-го восемнадцать бойцов-сибиряков под командованием старшего лейтенанта Евгения Порошина (фамилии шестнадцати из них можно прочесть на гранитном парапете, прикрывающем мемориальную высоту) дерзкой атакой захватили крошечный плацдарм и удерживали его до подхода наших войск.

В песне «На безымянной высоте» есть такие строки:

Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.

На самом же деле в живых остались двое: Герасим Лапин и Константин Власов. Лапин в том бою был контужен, но вскоре вернулся в строй и завершил войну в Берлине. Власов же долгое время числился погибшим и захороненным в братской могиле №24 десятилетия спустя. В действительности все обстояло совсем по-другому. В ходе боя на высоте у Власова кончились патроны, и он, дожидаясь, когда к нему вплотную подступят гитлеровцы, выдернул чеку гранаты, но взрыва не последовало. Так боец оказался в немецком плену. Во время транспортировки военнопленных из Бобруйска по железной дороге в Германию совершил побег и прибил к действовавшему в Минской области партизанскому отряду «Мститель». В книге учета личного состава отряда вскоре появилась запись, что Власов погиб при прорыве вражеской блокады. Однако и на этот раз ему удалось разминуться со смертью. Раненный, он дополз до ближайшей лесной деревеньки, жители которой укрыли его от врага и выхаживали. Немного окрепнув, Власов разыскал свой отряд и провелевал в нем до дня освобождения Белоруссии. С оставшихся в живых Лапина и Власова скульпторы вылепили и потом отлили композицию для мемориального комплекса «Безымянная высота».

9 мая 1980 года, в день 35-летия Победы, при стечении тысяч жителей окрестных селений и ветеранов 139-й Рославльской Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии мемориал на высоте 224,1 открывал один из восемнадцати ее защитников – Герасим Лапин.

Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Представляю, сколь потрясенной могла бы стать (появился когда-нибудь!) книга о высотах войны. Пока же высоты – это еще недорассказанная война.

«Вечером хоронили неизвестного русского солдата. Он стоял у пушки, долго расстреливал колонну танков и пехоту, так и погиб. Все удивлялись его храбрости. Оберст перед могилой говорил, что если бы все солдаты фюрера дрались так, как этот русский, то завоевали бы весь мир. Три раза стреляли из винтовок. Все-таки он русский, нужно ли такое преклонение?» По этой короткой записи в дневнике убитого под Тулой оберлейтенанта Фридриха Хенфельда, сделанной 17 июля 1941 года, после Победы удалось воссоздать в общих чертах эпизод, имевший место у белорусской деревни Сокольнич, что на подступах к городу Кричеву.

Единственный оставшийся у орудия на пригорке наводчик Николай Сиротинин остановил танковую колонну врага на шоссе, ведущем к Рославлю. С первого выстрела поджег головную маши-

ну, со второго – замыкавшую колонну и начал прямой наводкой расстреливать оказавшиеся в ловушке танки. В попытке вырваться из зоны обстрела немцы свернули с шоссе, но машины угодили в торфяную низину и стали неподвижной мишенью. Расстреляв все снаряды и уничтожив семь танков, он с карабином в руках вступил в бой с целым взводом автоматчиков и погиб, мужеством своим вызвав восхищение даже у самого врага. Русского артиллериста немцы похоронили с воинскими почестями на этом же пригорке, который теперь зовется Сиротининским. Как потом установили кричевские краеведы, Сиротинин родился в Орле, сын машиниста паровоза, до войны трудился на заводе «Текмаш».

У каждой высоты были свои герои.

Средь широкого поля перед веской Лудчицы на Могилевщине весь в легкой дымке открывается взору Курган Славы, которым является сегодня о себе высота 150,9. Чем ближе подходишь к кургану, тем явственнее начинают проступать в камне образы шести воинов, ставших Героями Советского Союза в боях за эту самую высоту летом 1944 года в ходе освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Штурм высоты 150,9 в полосе 1-го Белорусского фронта был задуман с целью отвлечь с направления главного удара наших армий как можно больше войск и боевой техники врага. Ударные роты 558-го полка 169-й стрелковой дивизии, захватив в ночь на 24 июня высоту 150,9, потом в течение девятнадцати часов удерживали ее, оттягивая на себя крупные силы противника. За то время, пока здесь гремел бой, 1-й Белорусский основными своими силами в нескольких десятках километров южнее высоты прорвет оборону немцев и стремительно двинется на запад. Таков вкратце рассказ о бое за высоту, которая сейчас зовется Высотой Героев и увенчана Курганом Славы с галереей высеченных в камне образов самих героев. Представим всех поименно: командир роты старший лейтенант Владимир Кириллович Мартынов, русский; командир роты капитан Гулям Якубов, узбек; командир роты старший лейтенант Петр Дмитриевич Виниченко, украинец; рядовой Сундуктали Искалиев, казах. Эти четверо пали в бою. Среди живых – командир роты капитан Галактион Самсонович Рамзадзе, грузин; командир орудия старший сержант Иван Андреевич Борисевич, белорус. Всех шестерых представителей разных народов СССР как естественно света вместе эта высота на белорусской земле, которую они плечом к плечу освобождали от врага. Словно древнерусский Баян, сидит на вершине кургана старик-гуслияр, перебирает чуткими перстами своими звонкие струны, поет славу героям.

У каждого на войне была своя высота. Стратегическая ли – в зоне решающих сражений или же просто ключевая – в полосе боев местного значения. Были они не только на фронтах – были и в партизанских краях.

Я знаю на Брянщине бугор, который защищал в одиночку партизан Денис Ивако. Называется этот бугор Протыабским, и находится он среди Хороменских болот, разделяющих в этих местах Россию и Украину. Что только ни предпринимали немцы, чтобы выкурить партизана с бугра, – обстреливали из орудий, бомбили с самолетов, но Протыабский так и остался советским. Конечно же, упомянутая только что история на фоне рассказа о высотах звучит несколько необычно, но кто, скажите, возьмется утверждать, что Протыабский бугор – это не высота?!

Политые кровью, в песнях воспетые, стоят на нашей земле холмы, бугры и взгорки, величием победы возведенные в звание легендарных высот. С вершин их, на какую ни взойдешь, видны поля, леса, проселки, деревушки – вся как есть Россия, которую отстояли на этих самых высотах наши деды и отцы. Я даже так теперь думаю: да не во славу ли всех высот, именованных и безымянных, местом для сооружения в Москве мемориала в ознаменовании 50-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне была избрана – тоже, в сущности, высота! – Поклонная гора?!

Анатолий ВОРОБЬЕВ

ФОТО СЕРГЕЯ СМЕРНОВА/ФОТОСООЗ

ФОТО АРКАДИЯ ШАМИТОВА/ФОТОСООЗ

ФОТО МАРКА МАРКОВА-ГРИНБЕРГА/ФОТОСООЗ